

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

VI Международная научная конференция

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Санкт-Петербург

УДК 340(082)

ББК 67

Г72

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

М. Н. Ахметова, Э. А. Бердиев, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Кутаишов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Исакаев, И. Б. Кайгородов, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, А. Н. Кошербаева, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Е. В. Матвиенко, Т. В. Матроскина, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Д. Н. Султанова, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Р. М. Исакаев (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колтак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Кутаишов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова, Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Государство и право: теория и практика : материалы VI Междунар. науч. конф. Г72 (г. Санкт-Петербург, апрель 2020 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — СПб. : Свое издательство, 2020. — iv, 24 с.

ISBN 978-5-4386-1870-6

В сборнике представлены материалы VI Международной научной конференции «Государство и право: теория и практика».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340(082)

ББК 67

ISBN 978-5-4386-1870-6

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Емельянова Т.С.

Пробелы в правовом регулировании сделок, связанных с отчуждением доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью 1

Смирнова Т.С.

Игровые объекты MMORPG как вещи и объекты гражданских прав 8

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Новицкий А.А.

Сравнительная характеристика уголовного законодательства России и Республики Беларусь. 16

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО,
ПЕНИТЕНЦИАРИЯ**Жгорова В.А.**

Режим и условия отбывания наказания в исправительных учреждениях различного типа. 20

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Пробелы в правовом регулировании сделок, связанных с отчуждением доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью

Емельянова Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье рассматриваются современные проблемы в регулировании сделок по отчуждению доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Существует большое количество мнений по вопросу правовой природы доли в уставном капитале и конкретной позиции нет. Это дает повод для формирования неоднозначной судебной практики и недопониманию участников самих корпоративных отношений.

Ключевые слова: отчуждение доли, уставной капитал общества, нотариальное удостоверение сделки, ограниченная ответственность, Гражданский кодекс, сделка.

В современном законодательстве произошли ряд изменений, которые касаются регулирования обществ с ограниченной ответственностью, в том числе и регулирование сделок, связанных с отчуждением доли в уставном капитале обществ. Несмотря на более детальную в настоящее время регламентацию данной сферы, четкой позиции относительно правовой природы доли в уставном капитале нет. В связи с таким количеством вопросов возникает неоднозначное мнение у участников корпоративных отношений и соответственно неоднозначная судебная практика по данному вопросу.

В соответствии со статьей 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [1, с.25] участник общества имеет право продать или иным способом совершить отчуждение своей доли или ее части в уставном капитале общества одному или нескольким участникам этого общества. Согласно пункту 1 статьи 21 данного Федерального закона № 14-ФЗ

переход доли осуществляется на основании сделки, в порядке правопреемства или на ином законном основании. Можно сделать вывод, что законодатель в данном случае охватывает все виды юридический действий в понятие «сделка», то есть не только лишь договоры, но и односторонние сделки.

Необходимо подчеркнуть, что в пункте 11 статьи 21 Федерального закона № 14-ФЗ определяется, что участник общества, заключивший договор, обращенный на отчуждение доли, который указывает на обещание совершить обязательства по сделке, в случае наступления определенных обстоятельств или выполнение другой стороной встречного обязательства, противоправно уклонятся от нотариального удостоверения этой сделки, приобретатель, который совершил все действия, направленные на исполнение договора, имеет право в судебном порядке требовать передачи ему доли в уставном капитале общества. Удовлетворительное решение арбитражного суда, требующее передачи доли, будет считаться основанием для внесения сведений в Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) соответствующих изменений. Напрямую данные положения Федерального закона № 14-ФЗ соотносятся Гражданским кодексом Российской Федерации, а именно с нормой, изложенной в пункте 2 статьи 165, в которой указывается возможность признать сделку действительной, при стечении обстоятельств, в которых одна сторона уклоняется от нотариального удостоверения сделки, а другая сторона выполнила свои обязательства. Вместе с тем существуют и отличия, так как в Гражданском кодексе говорится об одной и той же сделке, а в Федеральном законе № 14-ФЗ речь идет о договоре, который устанавливает обязательство заключить сделку и сделку на отчуждение доли в уставном капитале общества. Из этого следует то, что законодатель в данной случае допускает возможность заключения предварительного договора на совершение сделки по отчуждению долей в уставном капитале общества и сделки во исполнение договора.

Предварительный договор на совершение сделки по отчуждению доли в уставном капитале общества заключается на основании статьи 429 Гражданского кодекса. Договор должен содержать наименование общества и размер доли, подлежащей продаже. Форма договора должна соответствовать форме основного договора. Федеральный закон № 14-ФЗ указывает, что сделка по отчуждению доли или части доли в уставном капитале общества должна быть нотариально удостоверена, несоблюдение данной формы влечет недействительность такой сделки. Важным является также указание в сделке срок заключения основного договора. Необходимо отметить, что условие об оплате

до заключения основного договора считается ничтожным. Настоящая позиция высказана в определении ВАС от 4 марта 2010 года № ВАС-704/10 по делу № А35-3474/2009, в соответствии которого обязательства по расчетам за имущество, которое является предметом основного договора, не способны возникнуть на этапе действия предварительного договора из-за недопустимости в последнем обязательства о передаче имущества [11].

Необходимо остановиться и на теоретических и практических вопросах заключения сделок по отчуждению доли как сделок во исполнение договора об отчуждении доли (купля-продажа). В статье 159 Гражданского кодекса есть возможность заключения устной сделки во исполнение письменного договора. Основываясь на данной норме, можно сказать, что такая модель может применяться и к сделкам по отчуждению доли в уставном капитале общества, т. е. сделкой может быть акт приема-передачи доли (абзац 3 пункта 11 статьи 21 Федерального закона № 14-ФЗ о принудительном исполнении договора о совершении сделки по отчуждению доли). Такая модель многозначно оценивается субъектами правоприменительной деятельности. Например, Федеральный Арбитражный Суд Северо-Западного округа в одном из постановлений признал акт приема-передачи сделкой [10], а в другом постановлении этот же суд указал: «Из названного акта не вытекает, что его оформление повлекло установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей сторон, данный документ лишь удостоверяет факт исполнения сторонами обязательств, предусмотренных договором...».

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно прийти к выводу, что факт признания акта приема-передачи доли сделкой, не соотносится с правовой природой сделки, которая включает в себя установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Необходимо произвести конкретные исполнительные действия, которые создают, изменяют и прекращают волю сторон, таким образом выполнить условия большинства договоров (консенсуальность). Важно подчеркнуть, что в гражданском законодательстве не имеется каких-либо помех для заключения договора о совершении сделки по отчуждению доли, во исполнение совершаемой сделки по отчуждению доли в простой письменной форме. Тем не менее появиться проблемы могут практические, когда нотариус при проведении нотариального удостоверения проверяется законность сделки и может признать договор, вследствие которого она заключена, несоответствующим закону. В данном случае стоит использовать нотариальную форму договора по совершению сделки, которая направлена на отчуждение доли в уставном капитале общества.

Продажа или отчуждение доли в уставном капитале другим способом должна реализовываться в форме уступки прав и на основании положения главы 24 Гражданского кодекса (Перемена лиц в обязательстве), так как доля относится к категории имущественных и неимущественных прав. Это необходимо принять во внимание, потому что еще до заключения сделки, которая направлена на отчуждение доли или ее части в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, к ее приобретателю переходят права и обязанности непосредственно участника хозяйственного общества. В тоже время существуют дополнительные права и обязанности участников общества, которыми владеют на индивидуальной основе, в этом случае при переходе прав на долю такие права и обязанности не передаются. В частности, в этом имеется соответствие объема прав, которые переходят к приобретателю доли в уставном капитале (положениями 383–384 Гражданского кодекса), которые определяют объем прав, передаваемых новому кредитору, вследствие уступки права требования.

Необходимо подчеркнуть установление момента перехода доли или ее части в уставном капитале к приобретателю регламентируется также Федеральным законом № 14-ФЗ. В пункте 12 статьи 21 закона устанавливает, что «доля или часть доли в уставном капитале общества переходит к ее приобретателю с момента нотариального удостоверения сделки, направленной на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, либо в случаях, не требующих нотариального удостоверения, с момента внесения в Единый государственный реестр юридических лиц соответствующих изменений на основании правоустанавливающих документов». Можно проследить факт того, что действительное толкование фразы «доля или часть доли переходит» показывает, что под правовой природой доли законодатель представляет, что доля — это составная часть в праве собственности на имущество общества. Вследствие этого, в момент нотариального удостоверения сделки право собственности на долю или ее часть в уставном капитале общества переходит приобретателю как вещь. Тогда с какого момента приобретатель доли становится участником общества? С какого момента он начинает использовать корпоративные права и обязанности?

Очевидным кажется, что ответ на данный вопрос содержится в пункте 15 статьи 21 Федерального закона № 14-ФЗ, а именно с момента уведомления нотариусом или одной из сторон сделки об отчуждении доли. Данной позиции придерживались и большинство ученых-правоведов до принятия действующей редакции закона.

Предыдущая редакция закона (пункт 6 статьи 21) гласила, что с момента уведомления общества о факте состоявшейся уступке, то есть приобретатель становился участником общества с ограниченной ответственностью, мог осуществлять права и обязанности участника. К тому же в старой редакции закона момент перехода доли или ее части связывался с государственной регистрацией вносимых изменений, а сейчас этот момент взаимосвязан с моментом нотариального удостоверения сделки. В том числе и судебная практика считала приобретателя участником еще до момента внесения соответствующих изменений в учредительные документы. [6] Подход к этому вопросу с такой стороны создавал проблемы при реализации корпоративных прав и обязанностей приобретателем доли.

Переход доли в уставном капитале не означает, что до государственной регистрации этих изменений, новый участник может продать или иным образом осуществить отчуждение доли. В тоже время в абзаце 3 пункта 4 статьи 12 старой редакции закона, признавался факт, что для третьих лиц изменения, которые вносятся учредительные документы, имеют силу только после государственной регистрации или уведомления, органа осуществляющего государственную регистрацию. Таким образом можно прийти к выводу, что права и обязанности, которые предоставляются приобретателю доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью имели формальный характер до государственной регистрации изменений.

Точка зрения о том, что переход прав и обязанностей наступает в момент перехода доли или ее части в уставном капитале общества является общепринятой в юридической литературе [3, с. 84]. К тому же, Президиум ВАС подтверждает в своем постановлении, что «переход доли к приобретателю означает возникновение у него прав и обязанностей участника общества, включая преимущественное право покупки доли, передаваемой третьему лицу. Договор, заключенный между продавцом и первым покупателем, удостоверен нотариусом в день его подписания, следовательно, именно с этой даты покупатель приобрел права участника общества с ограниченной ответственностью и, как следствие, преимущественное право покупки второй части доли, предложенной к продаже» [5]. Другими словами, наступление юридических последствий наступает в момент нотариального удостоверения договора купли-продажи доли.

Практика по данному вопросу явно несовершенна, а именно применение норм статьи 21 21 Федерального закона № 14-ФЗ, потому что существует временной интервал между нотариальным удостоверением и внесением записи о данной сделке в ЕГРЮЛ. В пункте 15 статьи 21 Федерального закона

№ 14-ФЗ указывается на тот факт, что нотариус после удостоверения сделки не позднее, чем в трехдневный срок обязан передать заявление о внесении соответствующих изменениях в ЕГРЮЛ в орган, осуществляющий регистрацию юридических лиц.

На первый взгляд, положение нормы очевидно — с момента нотариального удостоверения сделки. Аналогичной позицией по этому вопросу придерживается и судебная практика. В постановлении Тринадцатого Арбитражного Апелляционного Суда от 16 ноября 2012 года по делу № А42-1512/2012 указывается на то, что приобретатель приобретает статус участника общества с момента нотариального удостоверения сделки. [5] Важно в этом вопросе осветить важный момент, который заключается в том, что приобретатель до момента государственной регистрации соответствующих изменений не может в полной мере использовать юридические последствия приобретения доли.

Из чего можно заключить, что после нотариального удостоверения сделки приобретателю не представляется возможным реализовать все права участника. Об этом говорится, например, в пункте 13 статьи 21 Федерального закона № 14 — ФЗ, что полномочия на отчуждение доли лицом подтверждается рядом документов, одни из которых является выписка из ЕГРЮЛ, в которой содержатся сведения о принадлежности доли, соответственно приобретатель не может совершить сделку, так как его права не подтверждены.

Возможно рассмотреть и ситуацию, в которой регистрирующий орган отказывает в регистрации изменений на основании подпункта «ф» пункта 1 статьи 23 Федерального Закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ. [2] В таком случае, распорядиться долей и продать ее повторно представляется невозможным, потому что возвращаясь к пункту 13 статьи 21 Федерального закона № 14 — ФЗ для подтверждения полномочий необходима выписка из ЕГРЮЛ.

Таким образом, представляется целесообразным приведение в соответствие пункта 12 статьи 21 Федерального закона № 14-ФЗ. Для унификации понимания правовой природы доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и для полной реализации приобретателем свои прав.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

2. Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 26.11.2019) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».
3. Александрова С. Н. Преимущественное право покупки доли (части доли) в уставном капитале ООО: последние тенденции арбитражной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 1. — С. 45–49.
4. Постановление Тринадцатого Арбитражного Апелляционного Суда в постановлении от 16 ноября 2012 г. по делу № А42–1512/2012 // СПС «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27 июля 2011 г. № 2600/11 // СПС «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».
6. Постановление Федерального Арбитражного Суда Уральского округа от 18 января 2006 г. № Ф09–4448/05-С4 // СПС «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».
7. Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 24 сентября 2009 г. по делу № А56–47446/2008 // СПС «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».
8. Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Собрание законодательства РФ», 16.02.1998, N 7, ст. 785.
9. Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 8 июля 2009 г. № А05–11770/2008 // СПС «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».
10. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 марта 2010 г. № ВАС-704/10 по делу № А35–3474/2009 // СПС «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».

Игровые объекты MMORPG как вещи и объекты гражданских прав

Смирнова Татьяна Сергеевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Пермский филиал

В статье исследуется правовое регулирование игровых объектов многопользовательских ролевых онлайн-игр в рамках правовой системы Российской Федерации и зарубежных стран. Рассматриваются научные подходы к правовому регулированию таких объектов как объектов прав собственности и гражданских прав.

Ключевые слова: игровые объекты, виртуальные объекты, виртуальная собственность, многопользовательские ролевые онлайн-игры, MMORPG.

Стремительное развитие информационных технологий и сети Интернет в XXI веке способствовало созданию новых объектов гражданских отношений, носящих виртуальную природу, требующих создания нового правового регулирования. Ряд таких объектов связан с игровыми объектами массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр (Massively multiplayer online roleplaying game или MMORPG), приобретающими все большую популярность среди отечественных пользователей. На сегодняшний день судебное и законодательное регулирование в отношении данных объектов в России, как и в большинстве зарубежных стран отсутствует. В мировой юридической доктрине распространены различные подходы к регулированию игровых объектов, один из которых предлагает распространять на такие объекты режим вещей и права собственности, применив аналогию права. На чем базируется данный подход, и применим ли он в отечественной системе?

Резюмируя тезисы научных работ отечественных исследователей, можно отметить, что при обосновании данного подхода они исходят из следующего:

- игровые объекты по своей природе обладают действительной или потенциальной коммерческой ценностью в силу готовности людей платить за такие виртуальные объекты вполне реальные деньги [1, с. 2];
- возможно расширительное толкование статьи 35 Гражданского Кодекса РФ, указывающей, что «в России охраняются все виды частной собственности», а значит и виртуальная (если мы признаем игровые объекты в качестве виртуальной собственности) [2];
- ссылка на правовое регулирование таких объектов в азиатских правовых порядках (Китай, Тайвань);

- такие объекты могут приобретаться и отчуждаться даже вне игры, и обладают явно выраженной потребительской ценностью;
- виртуальные миры, особенно игровые, предусматривают господство персонажа (аватара) над такими объектами, персонаж осуществляет те же правомочия в отношении виртуальных предметов, что и реальный владелец аналогичных реальных предметов;
- «определенные виды виртуальной собственности обладают многими характеристиками, свойственными традиционным объектам права собственности, и не должны быть исключены из-под правовой охраны только потому, что первоначально выглядят незнакомыми» [1, с. 13].

Подход к игровым или виртуальным объектам как имуществу, собственности получил широкое распространение и в американской правовой доктрине. Обосновывая необходимость рассматривать виртуальные объекты в указанной правовой плоскости, исследователи исходят из положений утилитарной теории Дж. Бентама, трудовой теории английского философа Дж. Локка и «личностной теории» немецкого философа В. Гегеля. Первая теория основана на том, что право должно предоставлять защиту тем объектам, которые повышают социальное обеспечение (благо) общества [3, р.41]. Для большинства экономистов создание и использование виртуальных активов не играет большой роли [4], однако практика показывает, что люди готовы вкладывать время и деньги в них. В какой-то мере виртуальная собственность может быть аналогична патентам, большинство из которых, как правило, бесполезно для общества [4]. Тем не менее, данная теория предоставляет права собственности на виртуальную собственность не в абсолютном значении: на права виртуальной собственности должны быть установлены ограничения по времени, предмету или объему прав [3, 4].

Главный тезис теории Дж. Локка заключается в том, что «если человек вложил труд на то, чтобы превратить некую «вещь в природе» в некое благо, он заслуживает того, чтобы пожинать его ценность, обладать ею» [4]. Подход применим к творческому вкладу игроков (например, создание персонажа), который позволяет функционал игры и лицензионное соглашение. Однако справедливо отметить, что «право собственности предоставляется только там, где труд создателя составляет гораздо большую часть стоимости актива» [4]. Пользователь не может претендовать на право обладать всем виртуальным пространством.

«Личностная теория» исходит из того, что права собственности связаны с такими правами человека, как право на свободу, самоутверждение и частную жизнь; она не проводит различий между реальными объектами и их виртуаль-

ными аналогами. В той степени, в которой теория оправдывает частную собственность на землю, она оправдывает собственность на виртуальную землю [4].

Вместе с тем, рассуждая на основании представленных научных положений о возможности распространения имущественного режима на виртуальные объекты, нельзя не поднять вопрос о целесообразности и революционности такого решения, а также о его практической реализации. Кроме того, примечательно, что, несмотря на достижения доктрины, американский законодатель пока не спешит распространять права собственности на виртуальные объекты. Суды США также не решились на этот шаг — «отчасти вследствие консерватизма, а отчасти вследствие лобби индустрии игр MMORPG, что не заинтересована в предоставлении пользователям каких-либо прав на виртуальные объекты, поскольку это может ограничить ее монополию и возложить дополнительные обременения» [1, с. 14]. Такие обременения могут выражаться, например, в «ответственности правообладателей за внесение изменений в виртуальный мир, которые влекут ущерб или снижение стоимости таких объектов» [1, с. 14].

В этой связи показателен правовой опыт Китая и Тайвани. С 2009 года в КНР возникла судебная практика, признающая имущественную ценность игровых объектов и прав на них за конкретным пользователем, признавая за такой собственностью часть характеристик «реальной» собственности [3, р.78]. Кроме того, в стране на основании актов Министерства общественной безопасности страны проводятся расследования по фактам кражи виртуальных объектов [3, р.78]. С сентября 2008 года Правительство Китая облагает налогом прибыль юридических и физических лиц (в размере 20%), если денежные операции связаны с виртуальной валютой [5].

Не отстает в данном отношении и правовое регулирование виртуальных объектов, формирующееся в Тайвани. Министерство Юстиции Тайваня Постановлением от 23 ноября 2011 года [6] признало статус движимого имущества за объектами виртуальной реальности. Данным постановлением также были внесены поправки в Уголовный Кодекс Тайваня, предусматривающие наказание в виде тюремного заключения сроком до трех лет за кражу виртуальной собственности [7]. В Тайвани сформирована и обширная судебная практика, насчитывающая сотни случаев, связанных с защитой виртуальной собственности пользователей и установлением прав на нее [3, р. 81].

Обращаясь к правовому опыту регулирования режима виртуальных объектов в азиатских правовых порядках стоит обратить внимание и на Южную Корею. В стране, начиная с 2000 года, Правительство установило, что виртуальная соб-

ственность имеет правовую ценность, и нет принципиальной разницы между правовой природой виртуальной собственности и ценными бумагами или электронными деньгами, и отнесло преступления, связанные с кражей виртуальных объектов, к разряду киберпреступлений [3, p.83].

Справедливости ради стоит отметить, что правовое регулирование складывается и в западных правовых порядках — Нидерландах, Новой Зеландии и Австралии.

В Нидерландах с 2012 года формируется судебная практика в отношении виртуальных объектов, признающая их имущественную ценность [3, p. 80]. Показательным примером является дело о краже предметов у игрока в MMORPG «RuneScape», рассмотренное Верховным судом Нидерландов 31 января 2012 года. В деле два подростка использовали физическую силу и угрожали 13-летнему мальчику, чтобы войти в его учетную запись «Runescape» и украсть игровые предметы. Суд постановил, что подростки виновны в краже, исходя из следующего: «только жертва могла после входа в «Runescape» использовать игровые предметы. Из-за их кражи он перестал осуществлять исключительную фактическую власть над ними (право собственности). Тот факт, что игра «Runescape» имеет владельца или производителя, не имеет отношения к делу» [8]. Примечательно, что Верховный суд также отметил, что кража виртуальной собственности в реальном мире не является частью игрового процесса в виртуальном мире. Он постановил, что виртуальные предметы обладают правовой и экономической ценностью из-за усилий и времени, вложенных в их получение.

Судебное регулирование в отношении игровых объектов складывается и в Австралии. Например, в одном из судебных разбирательств было установлено, что австралийский бизнесмен, который был одним из самых надежных и известных игроков в виртуальном мире EvE Online, и управляющим банком в виртуальном мире, был осужден из-за кражи виртуального золота клиентов виртуального банка и конвертации его в австралийские доллары. Суд избрал санкцию нарушителю в виде блокировки аккаунта пользователя в игре [3, p.93].

Вопрос об осуществлении и защите прав на виртуальные объекты и виртуальную собственность поднимался и правоведами Новой Зеландии. В 1999 году Комиссия по законодательству Новой Зеландии указала, что следует изменить традиционное определение понятия собственности в рамках гражданского и уголовного права. Право собственности должно пониматься не как одно право, но совокупность прав, в том числе прав на виртуальные объекты, поскольку только в таком случае право собственности в полной мере сможет учи-

тивать различные концепции владения, пользования, распоряжения как материальным, так и нематериальным имуществом [8]. Примечательно, но именно в Новой Зеландии возникли первые прецеденты кражи виртуальной собственности и первая судебная практика (от 2007 года) признающая право собственности на виртуальные объекты. Основанием для таких глобальных правовых изменений послужили поправки, внесенные в 2003 году в Закон о преступлениях Новой Зеландии от 1961 года, предоставляющие правовую защиту нематериальным благам [8, p. 363].

Резюмируя выше сказанное, нельзя не отметить важность теоретической квалификации отношений по созданию и использованию виртуальных объектов, а также показательность практической реализации распространения режима прав собственности на такие объекты и их последствия в зарубежных правовых порядках. Нельзя не согласиться, что установить правовое регулирование в отношении виртуальных объектов, и игровых объектов в частности, это актуальный вопрос для правовой и экономической системы практически каждого развитого государства, вместе с тем, решение на него, как было показано выше — в каждом случае индивидуально.

В российской правовой системе нам представляется нецелесообразным однозначно утверждать и распространять «вещный режим» на игровые объекты, даже если они имеют коммерческую ценность, поскольку, это нематериальные объекты, которые имеют свою специфику.

В отношении изложенного подхода А. Савельев указывал, что «признание виртуальных предметов объектами права собственности с распространением на них всех соответствующих гарантий выглядит слишком революционным решением» [9].

Е. Цатуриян в свою очередь, опровергая обозначенный подход, исходит из экономического содержания отношений собственности. Она указывает, что российское право наделяет собственность двумя характеристиками:

- хозяйственным господством над вещью;
- «бременем собственности, которое заключается в необходимости осуществления затрат на содержание, ремонт, охрану имущества, уплату налогов, а также в риске возможных потерь» [10, с. 5].

По мнению Цатуриян Е. виртуальные объекты (в том числе игровые) не обладают второй характеристикой «последние носят нематериальный характер, поэтому у пользователя отсутствует обязанность нести бремя их содержания, и, следовательно, указанные объекты не могут рассматриваться в качестве классических объектов права собственности» [10].

В качестве иного аргумента против данного подхода можно привести позицию М. Рожковой, которая указывает на действующий в российской цивилистике постулат о допустимости возникновения вещных прав лишь на материальные предметы (вещи). Поэтому отсутствуют основания для распространения норм вещного права на игровое имущество, какими бы замечательными свойствами оно не обладало, оно «живет» только в игре — вне игры его не существует [11].

Иной подход к объектам виртуальной собственности заключается в том, что виртуальные объекты (игровое имущество) должны быть отнесены к категории «иное имущество», в связи с чем, требуется внести изменения в перечень объектов гражданских прав. Данного подхода придерживается

А. Савельев и Е. Цатурян. Они предлагают рассматривать виртуальные объекты как «иное имущество» и «применять к этим отношениям нормы о соответствующих видах договоров, деликтах и неосновательном обогащении» [10, с. 5]. Тем не менее, А.И. Савельев сомневается в том, что со временем не «возникнет необходимость в выработке специальных норм» [1, с. 22].

Похожей позиции придерживается и цивилист А.А. Горбунов. Он предлагает ввести специальный правовой режим для виртуальных объектов: ранее специальное правовое регулирование для новых объектов права уже имело место, когда создавалось правовое регулирование для объектов интеллектуальных прав и бездокументарных ценных бумаг. Юрист отмечает, что «предлагаемые в теории и практике подходы лишь временное решение, в перспективе требуется поиск новых вариантов правовой охраны виртуальных объектов, с их конституированием как самостоятельных объектов гражданских прав» [12, с. 230].

Подход к виртуальным объектам как «иному имуществу» поддерживает и юрист В.С. Латухина. Обращаясь к международным источникам права, мы можем увидеть распространение абстрактной и широкой модели понимания категории «имущество». Например, Европейский суд по правам человека в своих решениях трактует понятие имущества, «отождествляя его со всеми закрепленными правами, которые способен доказать заявитель» [13]. Вследствие этого, В.С. Латухина приходит к выводу о возможности включения под «зонтик» понятия имущества виртуальных объектов.

У данной точки зрения также есть недостатки. Так, М. Рожкова указывает, что сложно согласиться с предложениями о включении игрового имущества в ст. 128 ГК в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Она считает, в этом нет необходимости. Кроме того, выделение новой категории объ-

ектов гражданских прав «вовсе не решает проблем, обнаруживаемых в судебной практике» (в частности, проблемы квалификации отношений в рамках положений ГК об игре и пари) [11].

Тем не менее, считаем, что данный подход является наиболее рациональным и применимым на сегодняшний день. Однако виртуальные объекты, стоит не просто отнести к «иному имуществу», но обозначить как некие «нематериальные объекты», права на которые должны регулироваться специальными нормами. Вместе с тем, считаем нецелесообразным распространять на игровые объекты MMORPG режим права собственности, применяя аналогию права.

Литература:

1. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. — 2014. — N 1. — С. 127–150.
2. Шарапова Р.А. Виртуальная собственность как объект гражданских прав [Электронный ресурс]. // URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/340953/discussion_platform (дата обращения: 30.03.2020).
3. Bekker L. Defining virtual property in terms of the constitutional property clause [Электронный ресурс]. // URL: http://repository.nwu.ac.za/bitstream/handle/10394/11009/Bekker_L.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 30.03.2020).
4. Lastowka F.G. The Laws of the Virtual Worlds // California Law Review. — 2004. — P. 75.
5. Patterson C. N., Hobbs M. A. Multidiscipline Approach to Governing Virtual Property Theft in Virtual Worlds // School of Information Technology, Deakin University. Waurn Ponds. Victoria, 3217. Australia. — P. 11.
6. Горохова О. Н. Правовая природа «виртуальной собственности» как объекта гражданских прав [Электронный ресурс]. // URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8636/uid93830_report.pdf (дата обращения: 30.03.2020).
7. Avnita L. Commercial Transactions in the Virtual World: Issues and Opportunities [Электронный ресурс]. // URL: [https://books.google.ru/books?id=di_2AwAAQBAJ&pg=PA99&lpg=PA99&dq=Taiwan+Ministry+of+Justice+Official+Notation+no+039030+\(90\)&source=bl&ots=ZGncZmiyk2&sig=ZizqoG4cXP_18tlWih9qyaqUMP8&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewj1fCD_PeAhUMuIsKHYq-AmMQ6AEwAHoECAGQAQ#v=onepage&q=Taiwan%20](https://books.google.ru/books?id=di_2AwAAQBAJ&pg=PA99&lpg=PA99&dq=Taiwan+Ministry+of+Justice+Official+Notation+no+039030+(90)&source=bl&ots=ZGncZmiyk2&sig=ZizqoG4cXP_18tlWih9qyaqUMP8&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewj1fCD_PeAhUMuIsKHYq-AmMQ6AEwAHoECAGQAQ#v=onepage&q=Taiwan%20)

- Ministry%20of%20Justice%20Official%20Notation%20no%20039030%20(90) &f=false (дата обращения: 30.03.2020).
8. Rumbles W. Theft in the Digital: Can you Steal Virtual Property? [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/CanterLawRw/2011/21.pdf> (дата обращения: 30.03.2020).
  9. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 2-е изд. — М.: Статут, 2016. — 640 с.
  10. Цатурян Е. Право на иллюзию // ЭЖ-Юрист. — 2016. — N 17–18. — С. 1–3.
  11. Рожкова М. Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть четвертая — об относительных правах на игровое имущество и абсолютных правах на доменные имена) [Электронный ресурс]. // URL: https://zakon.ru/blog/2019/03/26/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_chetvertaya__ob_o (дата обращения: 30.03.2020).
  12. Горбунов А. А. Виртуальные объекты в видеоиграх: проблема охраноспособности // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 225–232.
  13. Латухина В. С. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2016. — С. 74–80.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Сравнительная характеристика уголовного законодательства России и Республики Беларусь

Новицкий Артем Александрович, студент магистратуры
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

В статье автор проводит анализ и сравнение российского уголовного законодательства с законодательством одного из государств-правопреемников СССР Республикой Беларусь. Отмечены сходства и различия Уголовного кодекса России и Республики Беларусь. Проанализированы точки соприкосновения законодательства двух государств в сфере уголовного права.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовная ответственность, преступление, виды наказаний.

После распада СССР перед бывшими союзными республиками встал острый вопрос по формированию собственного суверенного права. Данный процесс во всех бывших союзных республиках проходил по-разному. В зависимости от внутригосударственных настроений общества законодательные органы суверенных стран постепенно формировали собственную систему права, основываясь на основных принципах международного права, а также внутренних правилах и обычаях.

УК РБ вступил в силу с 1 января 2001 года, сменив предыдущий Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 года. По мнению автора, процесс формирования структуры и основных положений УК РБ происходил под непосредственным влиянием принятого ранее УК РФ, это видно даже при поверхностном сравнении уголовных кодексов. Конечно, существуют и довольно серьезные различия, которые будут описаны ниже.

Схожесть и приближенность уголовного законодательства двух стран обосновывается наличием двухстороннего взаимодействия в области формирования союзного государства, а также наличием обязательных для стран СНГ

Модельного Уголовного кодекса и Таможенного кодекса Таможенного союза. Естественно, данный перечень правовых актов не является исчерпывающим, но, по мнению автора, именно наличие таких межгосударственных точек соприкосновения в нормотворчестве способствует сближению двух государств.

Следует начать с того, что как в России, так и в Республике Беларусь Уголовный кодекс представляет собой основной и единственный источник уголовного права, единственный нормативный акт, устанавливающий преступность и наказуемость деяний на территории двух государств. УК РБ, так же, как и УК РФ, состоит из общей и особенной части. Однако количество структурных составляющих кодекса (разделы, главы, статьи) различно. В УК РБ общая часть состоит из 5 разделов и 16 глав, особенная часть — из 10 разделов и 21 главы и суммарное количество статей двух частей равняется 466 (в том числе в совокупности с исключенными). Общая часть УК РФ включает в себя 6 разделов, 17 глав и статьи 1–104.5, особенная часть кодекса состоит из шести разделов, девятнадцати глав и статей 105–361.

Несмотря на чуть ли не идентичность формулировок некоторых статей УК РБ со статьями УК РФ (преступление, рецидив, невменяемость), при более детальном изучении становятся заметны довольно значимые отличия. Так, если обратиться к 7 главе ст. 41 УК РБ (множественность преступлений), можно заметить наличие такого понятия как повторность преступлений. В уголовном законодательстве Республики Беларусь «повторность» является одной из разновидностей множественности преступлений, тогда как российское законодательство ограничивается лишь совокупностью и рецидивом. Также, довольно примечательным в УК РБ является наличие норм по «профилактике» преступлений, а именно ст. 80 и ст. 81 УК РБ. Статья 80 УК РБ устанавливает превентивный надзор для лиц определенных в ч. 3–4 (рецидивист) данной статьи и выражаются в определенных обязанностях и запретах, таких как: уведомлять орган внутренних дел о перемене места работы и (или) жительства; не посещать определенные места; не покидать свое жилище в определенное время суток; не выезжать за пределы Республики Беларусь (ч. 7.8, ст. 80 УК РБ) [2]. Статья 81 УК РБ устанавливает профилактическое наблюдение за осужденным. Согласно данной статье в течение судимости лицо обязано предварительно уведомлять органы об изменении места жительства, о выезде в другую местность и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни [2]. Такого рода меры воздействия предусмотрены и в некоторых статьях российского кодекса, например ст. 51 УК РФ, но не как иные меры уголовной ответственности, а как наказание [1].

Что касается наказаний, которые предусмотрены уголовным законодательством двух стран, то тут имеются значительные различия. УК РБ предусматривает десять основных видов наказаний (общественные работы; штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы; ограничение по военной службе; арест; ограничение свободы; исключен; лишение свободы; пожизненное заключение; смертная казнь) и одно дополнительное (лишение воинского или специального звания). Общественные работы, штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью могут применяться как в качестве основного, так и дополнительного (ст. 48 УК РБ) [2]. Виды наказаний довольно схожи с перечнем УК РФ, следует только добавить принудительные работы; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград и содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 44 УК РФ) [1]. Ключевым отличием является положение о смертной казни. В Российской Федерации смертная казнь не может применяться с 16 апреля 1997 года в связи с подписанием протокола № 6 к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод». В Республике Беларусь данная мера применяется и в настоящее время. В соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь смертная казнь применяется судами страны за некоторые особо тяжкие преступления, сопряжённые с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах (ч.2, ст. 139, ч.2 ст. 359, ст. 362 УК РБ) [2]. На сегодняшний день Республика Беларусь является единственной страной в Европе и СНГ, в которой применяется смертная казнь. По статистике за 2019 год к смертной казни было приговорено 3 человека, а за 2020 год — 2. Но в целом с 2000 года количество смертных приговоров, выносимых белорусскими судами, постепенно сокращается, например за 1998 год к данной мере наказания было приговорено 47, за 1999 год — 13, а в 2000 — 4. Этот факт делает систему наказаний Республики Беларусь более строгой в сравнении с российской.

Проанализируем строгость наказания по некоторым составам преступления. Согласно статье 286 УК РБ (бандитизм) наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет со штрафом или без штрафа (пределах от тридцати до одной тысячи базовых величин) [2]. В УК РФ наказание более строгое: лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет со штрафом (ст. 209 УК РФ). В соответствии со ст. 207 УК РБ (разбой) наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом или без штрафа, а согласно ст. 162 УК РФ наказывается принудительными работами на срок до пяти лет

либо лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом. Акт терроризма по УК РБ наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет (ст. 289 УК РБ), а по УК РФ лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет (ст. 205 УК РФ).

Подводя итог, можно констатировать факт сходства уголовного законодательства стран союзного государства. Это просматривается как в структуре кодексов, так и в общем понимании основных положений и идей. Возможно, в обозримом будущем на базе уже принятых законов и договоров будет принято единое законодательство двух стран.

Литература:

1. Уголовный кодекс (УК РФ) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 09.03.2020)
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года №275-3 URL: [https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984#pos=6; — 155](https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984#pos=6;—155) (дата обращения: 09.03.2020)

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Режим и условия отбывания наказания в исправительных учреждениях различного типа

Жгорова Виктория Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассмотрены особенности режима и условий отбывания наказаний в различных исправительных учреждениях.

***Ключевые слова:** режим, условия отбывания наказания, тюрьма, колония, исправительное учреждение.*

Режим и закрепленные в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее — УИК РФ) условия отбывания наказания в исправительных учреждениях является необходимым условием обеспечения эффективности системы исполнения наказаний в России.

Режим в местах лишения свободы включает в себя и условия отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях, которые могут изменяться в том числе и в зависимости от типа исправительного учреждения.

Остановимся на определении данных понятий. Под режимом в исправительных учреждениях в соответствии со ст. 82 УИК РФ понимается установленный нормами действующего законодательства РФ порядок исполнения и отбывания лишения свободы, который обеспечивает охрану и изоляцию осужденных, надзор за ними и исполнением возложенных на них обязанностей [3, с. 943].

Содержание режима отбывания наказания включает в себя следующие аспекты:

1. Условия и порядок отбывания наказания.
2. Правила внутреннего распорядка исправительного учреждения.

3. Технические средства надзора и контроля за осужденными к лишению свободы.

4. Оперативно-розыскная деятельность в исправительном учреждении.

5. Меры безопасности в исправительном учреждении.

6. Права, обязанности, законные интересы и ограничения, осужденных к лишению свободы [4, с. 44].

Установленный в исправительных учреждениях режим формирует условия для применения средств исправления осужденных. При этом режим устанавливается нормами действующего законодательства РФ, в целях обеспечения безопасности его необходимо неукоснительно придерживаться.

На сегодняшний день в тюрьмах устанавливается общий и строгий виды режима.

В соответствии с положениями УИК РФ исправительными учреждениями в России являются колонии, тюрьмы и лечебные исправительные учреждения.

В исправительных колониях отбывают наказания в виде лишения свободы совершеннолетние осужденные. В зависимости от режима исправительные колонии разделяются на:

1. Исправительные колонии общего режима, в которых содержатся лица, впервые совершившие преступления, а также лица, осужденные за преступления небольшой или средней тяжести.

2. Исправительные колонии строгого режима, в которых отбывают наказание мужчины, впервые осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений; при рецидиве преступлений и опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал лишение свободы».

3. Исправительные колонии особого режима, в которых отбывают наказание особо опасные рецидивисты, совершившие преступление во время отбывания наказания; приговоренные к пожизненному заключению, а также заключенные, которые руководство колонии решило поместить в более жесткие условия пребывания.

4. Колонии-поселения, в которых отбывают наказание осужденные, совершившие преступление по неосторожности на срок не более 5 лет а также осужденные, которые имеют положительную характеристику во время заключения под стражу в исправительных учреждениях.

Как в тюрьме, так и в колонии, осужденные могут содержаться в условиях особого, строгого или обычного режима [1, с. 10]. Он устанавливается по приговору суда и назначается в соответствии с требованиями уголовного кодекса.

Заключенные вправе расходовать на продукты питания и другие товары не более 3 МРОТ (обычные условия) и не более 2 МРОТ (строгие условия).

Осужденный к наказанию в колонии общего режима (обычные условия) имеет право на 6 краткосрочных и 4 длительных свидания и может получать 6 посылок и 6 бандеролей в год, в колонии строго режима — на 3 краткосрочных и 3 длительных и 4 посылки и 4 бандероли в год [2, с. 78].

«В исправительных колониях особого режима отбывают наказание осужденные мужчины при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, а также осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы и на определенный срок или пожизненным лишением свободы.

В исправительных колониях особого режима, в которых отбывают наказание осужденные на пожизненное лишение свободы, условия содержания можно свести к следующему:

1. Размещение в камерах не более, чем по два человека.
2. Ежедневная прогулка в 1,5 часа (строгие условия), 2.0 часа (обычные условия), 2.5 часа (облегченные условия).
3. В строгие условия помещаются все осужденные, решение об изменении условий осуществляется не раньше 10 лет со дня отбывания наказания.

В колониях-поселениях условия отбывания наказания можно представить следующим образом:

1. Содержание без охраны, но под надзором администрации колонии-поселения.
2. Проживают в специально построенных общежитиях.
3. Имеют документ, подтверждающий личность, но паспорт и иные документы хранятся в личных делах.

В тюрьме передвижение заключенных сведено к минимуму: на прогулку и обратно. Периметр постоянно контролируется, свободное хождение запрещено. Чтобы попасть в тюрьму, нужно быть рецидивистом или совершить тяжкое, или особо тяжкое преступление. Больных тяжелыми заболеваниями, а также детей возможно направить лишь только в колонию.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что режим и условия отбывания наказания в исправительных учреждениях являются одним из ключевых элементов обеспечения безопасности граждан и защиты их конституционных прав и свобод.

Литература:

1. Беляков А. В. Классификация условий отбывания наказания в исправительных учреждениях / А. В. Беляков // Вестник самарского юридического института. — 2017. — № 1 (23). — С. 9–11.
2. Горбань Д. В. Различные условия содержания осужденных к лишению свободы в зависимости от вида исправительного учреждения как одно из требований режима / Д. В. Горбань // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2019. — 2. — С. 77–80.
3. Резяпова А. Ф. Режим и условия отбывания наказания в исправительных учреждениях / А. Ф. Резяпова, Д. Р. Салихов // Аллея науки. — 2018. — Т. 7. — № 5 (21). — С. 942–944.
4. Южанин В. Е. Режимы наказания, обеспечения его отбывания и безопасности в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. — 2016. — № 2 (24). — С. 44–47.

Научное издание

Государство и право: теория и практика

Выпускающий редактор Г.А. Кайнова
Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга
Оформление обложки Е.А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 24.04.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 1,4.
Тираж 300 экз.

Издательство «Свое издательство».
199004, г. Санкт-Петербург, линия 4-я В. О., д. 5.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.